Буржуазная культура на волне неоконсерватизма

КОММУНИСТ 1983 № 3

На XXVI съезде КПСС отмечалось, что обострение международной напряженности, вызванное силами империализма и реакции, явилось в известной мере следствием все бóльших трудностей, переживаемых капитализмом на современном этапе. Идеино-политический, духовный кризис буржуазного общества находит свое выражение в усилении идеологической борьбы, в том числе и в самых развитых капиталистических странах. Повороту вправо в сфере политики сопутствует развернутая идеологическая кампания, имеющая своей целью дискредитировать прогрессивные силы, расколоть антиимпериалистическое движение.

Относительно новым фактором углубления духовного кризиса капитализма явилось обострение противоречий в среде западной интеллигенции, все большая часть которой выступает в оппозиции по отношению к господствующему классу, политике реакционных кругов. И хотя эта оппозиция далеко не всегда носит последовательный характер, она представляет собой ощутимую угрозу власти монополий, коль скоро затрагивает слои общества, способные оказывать весьма существенное влияние на убеждения миллионов людей. Это с особой отчетливостью показали массовые антиимпериалистические движения 1960 — начала 1970-х годов, в которых немаловажную роль сыграли представители студенчества и интеллигенции, деятели литературы и искусства.

Вместе с тем возрастает воздействие и буржуазных идеологов, противопоставляющих идеям социального прогресса разного рода реакционно-утопические «теории», направленные, в частности, на «нравственное обоснование» капитализма. Это перенесение акцентов буржуазной пропаганды с экономики и политики на религию и мораль далеко не случайно.

Политике империализма противостоят реальности современного мира: укрепление социалистического содружества, рост национально-освободительных движений, обострение классовой борьбы в странах капитала. В этих условиях точкой опоры идеологии империализма становятся отходящие в прошлое религиозно-этические взгляды. Поставив цель вернуть себе роль вершителей судеб народов, реакционные круги,

прежде всего в США, стремятся изобразить себя защитниками «добродетели», на которую якобы посягают враждебные силы, в первую очередь, конечно, коммунисты. Первенство «моральной риторики» перед реалистической оценкой соотношения сил на международной арене сказалось в антисоциалистических кампаниях по защите «прав человека» и по «международному терроризму». Весьма четкую формулировку идеологической подосновы очередного витка гонки вооружений дал на одной из своих первых пресс-конференций президент США Р. Рейган, особо подчеркнув, что русские «не верят в бога, у них нет религии», а потому для них «нравственно только то, что содействует успеху социализма». Из этого с неумолимой логикой следовал вывод, что американцы и их союзники должны быть готовы к войне во имя защиты бога и нравственности. Возрожденный дух «холодной войны» потребовал нового «крестового похода» против прогрессивных сил.

Немаловажную роль в идеологическом контрнаступлении реакции играют неоконсерваторы, выдвигающие в качестве основной причины кризиса, переживаемого буржуазной цивилизацией, «культурные противоречия капитализма» (так называлась изданная в 1976 году книга одного из лидеров этого направления американского социолога Д. Белла).

Кто такие неоконсерваторы и за что (точнее, против чего) они борются?

Неоконсерватизм, или «новый» консерватизм, как его нередко называют, — это реакционное буржуазное идейно-политическое течение, сформировавшееся в 1970-е годы в развитых капиталистических странах, в первую очередь в США и ФРГ, в качестве реакции на расширение антиимпериалистических движений и как результат кризиса буржуазно-либеральных и леворадикальных концепций. Неоконсерватизм, выражающий интересы крупной буржуазии, характеризуется программным антикоммунизмом, в ряде случаев, например в ФРГ и Италия, он смыкается с неофашизмом. Во Франции к неоконсервативным позициям близки так называемые «новые философы». Пытаясь противодействовать распространению антибуржуазных социальных движений, взглядов и настроений, многие неоконсерваторы ратуют за установление жесткого репрессивного режима, выступают против демократии, за «обуздание» широких народных масс. Особое внимание они уделяют проблемам культуры, которые и рассматриваются в настоящей статье.

Если верить на слово самим неоконсерваторам, то их главными врагами являются «новый класс» и «контркультура». Под «новым классом» понимается интеллигенция в целом — все работники умственного труда, деятели науки и культуры. Их оппозиционные настроения, наиболее ярко воплотившиеся, с точки зрения неоконсерваторов, в «контркультуре», и объявляются главными, если не единственными, причинами кризиса, переживаемого буржуазной цивилизацией.

«Контркультура» трактуется ее правыми критиками чрезвычайно широко. К ней причисляются без всякого разбора политические демонстрации и произведения прогрессивного социалистического искусства, акции «левого» терроризма, наркотические действия, «сексуальная революция», течения религиозного обновленчества и т. д. Действительно, в последние десятилетия на Западе борьба пролетариата и студенческие волне-

ния, массовые антивоенные выступления и движение за эмансипацию женщин, мелкобуржуазное бунтарство и расовые беспорядки нередко сливались в один бурный поток, потрясающий до основания все здание государственно-монополистического капитализма. Одно воспоминание о «бурных 60-х» вызывает у апологетов буржуазии поистине священный ужас. Это ощущение у неоконсерваторов как бы сфокусировалось в ослепляющей ненависти к «контркультуре», которая совершенно неправомерно объявляется господствующим мироощущением и мировоззрением 1960-х годов в целом — периода, на самом деле отмеченного активизацией всех антиимпериалистических сил.

Такая тенденциозная перестановка акцентов объясняется определенными объективными и субъективными причинами. Как представители буржуазной интеллигенции, неоконсерваторы наиболее остро переживали тот факт, что «зерно измены» дало столь богатые всходы в их же собственном «интеллектуальном» кругу. Хотя неоконсерваторы и были склонны преувеличивать масштабы «катастрофы», у их апокалипсических видений были и некоторые реальные основания. Для многих участников движения протеста, особенно в США, «контркультура» была и остается одним из самых ярких проявлений духа 1960-х. Ведь в общественной практике (далеко не адекватно отраженной «левой» и правой социологической теорией) она включала множество разнородных социальных движений и умонастроений, форм поведения и художественного творчества, которые объединяло лишь неприятие буржуазных образа жизни, бюрократической организации, «массовой культуры». Как лозунг идея «контркультуры» была выдвинута определенными кругами студенчества и интеллигенции, но при этом она оказала существенное влияние и на других участников движения протеста, ибо отражала духовный голод и оскудение, испытываемые разными слоями общества в условиях господства реакционной буржуазной культуры. В качестве комплексного социокультурного явления «контркультура» предполагала:

- «— формирование новых отношений между людьми,
- формирование и принятие новых ценностей, выработку новых социальных норм, принципов, идеалов, эстетических и этических критериев,
- воспитание нового типа личности с новыми формами ее сознания и действия»¹.

Эти достаточно абстрактные принципы выражали устремления самых разных течений движения протеста, что и обусловило противоречивость теории и практики «контркультуры», представители которой, как правило, превратно истолковывали причины, характер и цели своего протеста, подменяли классовую борьбу конфликтом поколений, а социальные преобразования — «культурным противостоянием». В результате к «контркультуре» относились явления, не только глубоко различные, но зачастую и полярные в социально-политическом и идейно-художественном планах. Не без участия буржуазных средств массовой информации среди «контркультурных»

¹ Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972. С. 298.

тенденций предпочтение стало отдаваться идеологам, враждебно относящимся к коммунистическим партиям и рабочему классу, опыту реального социализма, и феноменам, весьма далеким от какой бы то ни было подлинной революционности,— в особенности порнографии и наркомании, общественным явлениям, уводящим движение протеста в тупики мистицизма, «левого» сектанства и терроризма. В глазах целого ряда буржуазных теоретиков и, пожалуй, что особенно важно, в сознании западного обывателя «контркультура» предстала исключительно как наркотически-мистическое, полностью асоциальное явление.

Указанное идейно-политическое «измерение» безусловно присутствует в «контркультуре». Более того, в ее идеологическом обосновании оно является преобладающим. Исследователи-марксисты справедливо указывали на мелкобуржуазный характер теорий Г. Маркузе, Т. Розака и других поборников «нерепрессивной цивилизации», которые «не заметили» демократического начала в протесте западной молодежи.

Однако современные неоконсерваторы это начало как раз заметили. Не случайно одним из их важнейших общеполитических постулатов стала критика «эксцессов демократии», якобы присущих современному буржуазному обществу, и как следствие — требование более жесткого ограничения «растущих притязаний», а точнее, и без того урезанных капитализмом прав и свобод человека. Настойчивость нападок неоконсерваторов на «контркультуру» свидетельствует и о том, что в самих ее недрах вызревали определенные, порой противоречивые элементы демократической, антибуржуазной культуры, не замечать которые значило бы преуменьшить значение и роль прогрессивных тенденций в культуре современного Запада. Рассматривая «контркультуру» в связи с конкретным опытом истории, в данном случае в контексте неуклонного расширения антиимпериалистической борьбы, нельзя не признать ее явлением сложным и многоплановым, требующим дифференцированного анализа. Реальное содержание «контркультуры» отнюдь не исчерпывается акциями мелкобуржуазного бунтарства, как не исчерпывается оно и концепциями ее наиболее влиятельных идеологов. Культурная, художественная практика всегда оказывается неизмеримо богаче умозрительных схем. Созданные в рамках «контркультуры» антивоенные фильмы и спектакли, боевая публицистика, политические песни и многие другие явления современного западного искусства по своей направленности значительно ближе к критическому реализму, в отдельных случаях даже к социалистической культуре, нежели к экстравагантности «хиппи» и стихии всеобщего разрушения — этим метаморфозам господствующей буржуазной культуры.

Таким образом, с точки зрения ленинской теории двух культур «контркультура» представляется не одномерным монолитом, а ареной борьбы неразвитых, подавляемых и извращаемых изнутри демократических и социалистических элементов против реакционной буржуазной культуры, и здесь сохранившей свое господствующее положение благодаря капиталистической собственности на средства духовного производства. И если для марксистов особое значение имеет именно прогрессивная сторона культуры протеста, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, «мы *из каждой* национальной

культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре»², то буржуазия, естественно, стремится к противоположной трактовке. Она заинтересована в выпячивании мистического «озарения», «эстетического нигилизма» и апологии «левого» терроризма как тупиков движения протеста, его анархического самоотрицания, сдобренного изрядной долей антикоммунизма.

Заостряя внимание на самоочевидных противоречиях движения протеста 1960-х — начала 1970-х годов, неоконсерваторы осуществляют сознательную мистификацию, сводя, во-первых, все антиимпериалистические движения к «контркультуре» и, во-вторых, саму «контркультуру» — к ее крайним, негативным, агрессивным иррационалистическим проявлениям. Тем самым широкий антимонополистический фронт подменяется одним «новым классом», который — в обход острейших экономических и социально-политических проблем — можно обвинить в «моральном разложении» чуть ли не всех слоев буржуазного общества.

Вернуть капиталистическому миру былую стабильность, подорвав влияние «нового класса» и восстановив в своих правах исконные ус-

Вернуть капиталистическому миру былую стабильность, подорвав влияние «нового класса» и восстановив в своих правах исконные устои буржуазного общества — его религию и мораль, — такова главная идеологическая цель неоконсерваторов.

тои буржуазного общества — его религию и мораль, — такова главная идеологическая цель неоконсерваторов. За нею скрывается и вторая, сугубо практическая цель: захватить ключевые посты в правительстве, администрации, учебных заведениях, чтобы диктовать свою волю нации (о реальных последствиях этого объединения науки и политики в интересах монополий свидетельствовала, в частности, деятельность З. Бжезинского на посту помощника президента США по вопросам национальной безопасности).

Формирование новой «лояльной интеллектуальной элиты» — результат сближения монополий и готовых к сотрудничеству с ними деятелей культуры. Подобно тому, как в рабочем классе постепенно складывалась рабочая аристократия, предающая интересы класса ради собственного благополучия, ряд влиятельных представителей общественных наук был прямо или косвенно подкуплен буржуазией в интересах корпораций. Именно эта часть буржуазной интеллигенции и составила ядро современного неоконсервативного движения, призванного придать идеологии монополисти-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 121.

ческой буржуазии интеллектуальную респектабельность и по возможности широкий общественный резонанс. С этой целью были мобилизованы ресурсы университетской науки, художественного творчества, средств массовой информации.

Подкуп интеллектуалов зачастую носил прямой и неприкрытый характер. Так, американский политолог И. Кристол, известный своими связями с ЦРУ, советовал руководству фонда Форда не давать денег для поддержки той деятельности «нового класса», которая угрожает существованию корпораций, и, напротив, поддерживать тех, кто верит в сохранение сильного частного сектора. Главный редактор журнала «Комментари» — полуофициальной трибуны неоконсерватизма — Н. Подгорец в автобиографии под примечательным названием «Добиться своего», изданной еще в 1967 году, задолго до того, как представляемое им движение стало одним из ведущих в буржуазной социокультурной мысли, не без цинизма признавался, что «лучше быть богатым, чем бедным», «лучше давать указания, чем выполнять их», а «честолюбие как будто заменило эротическое вождение в качестве главной постыдной тайны благовоспитанного американца».

Добившись места под солнцем на арене идеологической и политической жизни, неоконсерваторы в качестве своего главного оппонента не случайно избрали антибуржуазно настроенную интеллигенцию, обвинив ее в попытках подорвать устои буржуазного общества. Американский историк П. Стейнфелс замечает в этой связи: «В отличие от левых диагностиков тех же болезней (современного буржуазного общества. — *К. Р.*) неоконсерваторы отказываются придавать особое значение роли капиталистических организаций в создании кризисной ситуации... Кризис, с которым мы столкнулись, носит в первую очередь культурный характер: наши убеждения ослабли, наша мораль распалась, наши представления о приличиях извратились».

Идеологический смысл такой весьма своеобразной позиции более чем ясен: любой ценой «оправдать» капитализм, антинародную политику правящих кругов и возложить всю ответственность за «язвы капитализма» на оппозиционно настроенных деятелей культуры. Эта позиция, вызывающая в памяти гонения на «красных» и «розовых» интеллектуалов, организованные комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в мрачные годы маккартизма, получает в системе взглядов неоконсерваторов и свое теоретическое обоснование. Отрицая определяющую роль экономического базиса по отношению к элементам надстройки, неоконсервативные теоретики, в первую очередь Д. Белл, вводят в оборот антинаучный тезис о принципиальной «разобщенности» сфер экономики, политики и культуры при капитализме. Эта разобщенность, по Беллу, и порождает нестабильность современного буржуазного общества, причем основные тлетворные импульсы исходят не от экономики и политики, а именно от культуры.

Характерно, что ведущие неоконсерваторы довольно точно подмечают многие существенные черты кризиса буржуазной культуры. Если оставить на время в стороне вопрос о направленности этих оценок, то не без оснований неоконсерваторы сетуют на духовное оскудение антагонистического

общества, утрату им гуманистических ценностей и идеалов. Более того, стремясь обострить полемику, они даже неправомерно преувеличивают их значение. С их точки зрения, культура современного капитализма целиком и полностью, без остатка противостоит традиционным ценностям буржуазии, перечень которых еще в середине XVIII века был дан американскими пуританами: умеренность, молчаливость, соблюдение порядка, решимость, бережливость, прилежание, искренность, справедливость, сдержанность, чистоплотность, спокойствие, целомудрие и смирение. По отношению к этому «катехизису» оппозиционными оказываются и буржуазная «массовая культура», коль скоро идеалу бережливости и целомудрия она противопоставляет беззастенчивую коммерциализацию всех и всяческих наслаждений, и декадентские течения, радикально отгораживающие себя и от «потребительства», и от какой бы то ни было широкой аудитории. Далее остается только объявить «контркультуру» и движение протеста в целом результатом «демократизации модернистского импульса», следствием перенесения эстетского бунтарства из замкнутой сферы искусства в общественную практику, и фальсификаторская схема кризиса культуры, как его понимают неоконсерваторы, приобретает иллюзию завершенности.

В то время как критики-марксисты исследуют борьбу сил прогресса и реакции, деградацию буржуазной культуры («массовой» и «элитарной») и пусть противоречивое, неоднозначное, но с каждым годом все более и более осязаемое укрепление позиций передовой демократической культуры, неоконсерваторы предпочитают говорить о тотальном «закате цивилизации», вызванном якобы категорическим разрывом между культурой и буржуазным обществом.

Однако сила антибуржуазной культуры на Западе не в том, что она якобы оторвана от социальной структуры, формы творчества, чуждые широким массам, в том числе и в рамках «контркультуры», как раз и не представляют собой существенной угрозы для стабильности буржуазного строя; поэтому они, как правило, не запрещаются, а поощряются господствующим классом. Произведения же, выражающие коренные интересы народа, его подлинные заботы и чаяния, обретают силу именно в тесной связи с общественной практикой, что и позволяет прогрессивной культуре содействовать сплочению антиимпериалистических сил, формированию революционного сознания.

Тесное сплетение противоположных тенденций в духовной жизни антагонистического общества, в частности причудливое сочетание в «контркультуре» антибуржуазных устремлений с «левым» экстремизмом, нигилизмом и дешевым эпатажем, подменяется неоконсерваторами одномерной схемой, в которой фокусируются наиболее слабые и уязвимые стороны протеста левой интеллигенции. Динамика культуры предстает в линзах неоконсерватизма как результат безудержной тяги к наслаждениям и вседозволенности. Подчас весьма прозорливо критикуя подлинные признаки углубляющегося духовного кризиса буржуазного общества, неоконсерваторы стремятся оторвать его от материальной базы и политической борьбы, выдать за некий «интеллигентский синдром», требующий глобального разрушения. Сексуальные извращения, наркомания, культ жестокости и насилия из симптомов бездуховности, какими они являются на самом деле, в их кри-

вом зеркале превращаются в краеугольные камни всякой оппозиции буржуазному государству. Обличать такой препарированный образ движения протеста, конечно, особого труда не составляет. Но еще более «выигрышная» тема, прямо выводящая апологетов империализма в центр идейно-политической борьбы, — терроризм, ответственность за который возлагалась сначала на «контркультуру», а затем, уже в международной сфере, на мифическую «руку Москвы».

Весьма характерно, что незадолго до начала антисоветской кампании по вопросу о так называемом «международном терроризме», а именно в 1978 году, консервативные круги во Франции и Италии прямо обвинили в «поощрении терроризма» группу прогрессивных деятелей итальянской культуры, в частности писателя Леонардо Шаша, кинорежиссеров Франческо Рози, Элио Петри, Дамиано Дамиани, сценариста Уго Пирро. Любопытна была сама логика рассуждений правых: распространению терроризма якобы способствовала содержащаяся в их произведениях (кстати говоря, получивших широкое признание во всем мире, в том числе и в нашей стране) критика класса буржуазии, полиции и властей, всемогущества мафии, подрывавшая «веру» в разумность и вечность капиталистического строя.

Так лозунги «нравственного возрождения», набожности и восстановления патриархальных связей «отца с сыном и индивида с племенем», провозглашаемые как база «новой общественной философии», на деле оборачиваются воинствующим антикоммунизмом и проповедью консервативных идеалов, призванных спасти государственно-монополистический капитализм от неминуемого краха в безнадежной попытке противостоять росту антиимпериалистических настроений различных слоев буржуазного общества. Именно поэтому расширение и укрепление демократических тенденций и направлений в духовной культуре истолковываются неоконсерваторами как потеря в известной мере защитной изоляции элиты от массы, как кризис традиционных буржуазных авторитетов, делающий элиту подверженной «капризам масс».

Пытаясь вдохнуть новую жизнь в «протестантскую этику», якобы единственно способную обуздать «чрезмерные притязания» молодежи и интеллигенции, в идеале, видимо, и граждан социалистических и развивающихся стран, неоконсерваторы не могут предложить ничего иного, кроме возврата к религиозному ханжеству и лицемерию, а то и черносотенному клерикализму, издавна шедшим рука об руку с самыми реакционными силами. Очень многое в их идейно-политических лозунгах напоминает печально известные времена «охоты за ведьмами». Не случайно в волне мистических драм, захлестнувших книжный рынок и экраны Запада, социальные беспорядки часто впрямую объявляются результатом «происков Сатаны», а «новый Мессия», кровавый убийца Чарлз Мэнсон, становится под пером неоконсерваторов чуть ли не идеологом протестующей молодежи. Такая беззастенчивая эксплуатация религии в интересах реакционной политики вызывает протест даже среди людей, далеких от атеистического мировоззрения. «Далеко отстоя от человеческого и разумного понимания духовного, неоконсерватизм цинично использует религию для достижения авантюристических целей, — пишет, к примеру, американский социолог И. Горовиц. — Теоретически он ут-

верждает, что религия — основа общества. Практически он считает религию прагматическим средством для сохранения в неприкосновенности общества, базирующегося на частной собственности, порядке и долге. Тем самым он пытается придать космический масштаб своим гегемонистским устремлениям».

В проклятиях, адресованных левым интеллектуалам, якобы монополизировавшим воздействие на общественное мнение в годы молодежных бунтов и краха вьетнамской авантюры, явственно слышится опасение по поводу того, что реальное развитие духовной культуры, как и прежде, будет идти вразрез с апологетически-охранительными устремлениями крупной буржуазии. В результате неоконсерватизм, эта влиятельная «партия интеллектуалов», как ни парадоксально, характеризуется последовательным антиинтеллектуализмом, что позволяет его представителям порой выдавать себя за оппозиционеров, подвергающихся гонениям «за слишком открытую правду». Однако, как справедливо заметил П. Стейнфелс, «защищать капитализм в самом могущественном капиталистическом государстве отнюдь не то же самое, что выступать за отмену рабства на рабовладельческом Юге». Поэтому-то к услугам неоконсерваторов, якобы гонимых «за правду», и имеются средства художественного производства и массовой информации, дающие возможность этой мнимой оппозиции обрести реальную власть над аудиторией.

В критике «нового класса» и «контркультуры» неоконсерваторы, как мы видели, возлагают главную ответственность за «моральное разложение масс» на творческую интеллигенцию. В центре полемики оказалась сфера искусства, специфика которого позволяла придавать нравственным и религиозным постулатам эмоциональную убедительность, широко распространять их. При этом тактические приемы, используемые для пропаганды неоконсервативных взглядов в социокультурной теории и художественной практике, вновь отличаются своеобразной «подстановкой оппонента», искусным камуфляжем, открытым политическим кликушеством, в результате которых создается иллюзия интеллектуальной и эмоциональной убедительности, присваиваемой сомнительным аргументам. По словам того же Стейнфелса, неоконсерваторам часто удавалось добиваться победы лишь благодаря тому, что они объявляли критикуемую тенденцию «логически связанной с различными формами экстремизма или недостаточно устойчивой против них». Так, меры против загрязнения окружающей среды ведут якобы к тоталитаризму, эмансипация женщин — к упадку семьи, гражданское неповиновение — к Уотергейту, терпимость по отношению к контркультуре — к Джонстауну³, а роман Э. Л. Доктороу «Рэгтайм» — к терроризму.

³ Джонстаун — религиозная община, созданная в Гайане группой американцев, эмигрировавших из США под предводительством проповедника Джона в знак протеста против пороков буржуазной цивилизации. Коллективное самоубийство сотен членов общины осенью 1978 года, организованное не без участия ЦРУ, вызвало глубокое возмущение общественности США и других стран. Чтобы использовать волну протеста в своих классовых интересах, буржуазная пропаганда объявила трагическую судьбу обитателей Джонстауна результатом происков коммунистов.

Не избежали обвинений и средства массовой информации. В дискуссии по вопросам культуры, проведенной журналом «Комментари» в 1974 году, М. Новак отмечал: «Всего несколько лет тому назад, в высшей точке контркультурного исступления, именно восхваление контркультуры национальными средствами массовой коммуникации особо затруднило защиту стандартов и дисциплины. На самом деле в новостях отражались настроения меньшей части студентов в меньшей части организаций, а показано это было как массовое культурное движение, которым оно впоследствии и стало. Внимание средств информации изменило его образ». Тем самым ответственность за движение протеста, выражающего, по мнению автора, интересы ничтожного меньшинства населения, перекладывалась на средства массовой информации, контроль господствующего класса над которыми вряд ли подлежит сомнению. Реальная ситуация здесь была гораздо сложнее и противоречивее, нежели утверждают неоконсерваторы. Приспосабливаясь к новым общественным настроениям (поскольку игнорировать их было уже невозможно), буржуазная пресса, радио, телевидение вынуждены были уделять в 1960-е годы значительное внимание демонстрациям протеста и студенческим бунтам. Если они и изменили (скорее даже извратили) их образ, то весьма тенденциозно, в угоду власти имущим, намеренно акцентируя поверхностные, наиболее сенсационные, яркие, зрелищные элементы «контркультуры». Такая маскировка подлинных социально-политических причин движения протеста облегчалась тем, что леворадикальные программы сами по себе, как уже отмечалось, мистифицировали значение понятия культурной революции, как ее понимают марксисты.

Когда же стало ясно, что энергия антибуржуазного взрыва вышла из-под контроля, что попытка обезвредить враждебные тенденции, ограничив сферу их влияния только «стилем жизни», потерпела неудачу, средства массовой информации резко изменили тактику. Они превратились в могучий усилитель голосов, обличающих бунтующую молодежь за проповедь «терроризма» и «разврат». Могучая сила контрпропаганды апологетически охранительных представлений охватила и стихию рекламы, и массовую беллетристику, и кино.

Процесс выхода идей неоконсерваторов в массы и правящую элиту можно проиллюстрировать на следующих примерах, приводимых в одном американском исследовании.

А. Бикель, профессор Йельской юридической школы, публикует в 1970 году в журнале «Нью рипаблик» статью, посвященную неудаче расовой интеграции школьного образования на севере страны, и один из советников Белого дома быстро переносит выводы автора в справку президенту Никсону, сообщая, что «корабль интеграции тонет, и нам бы не следовало находиться на его борту».

Д. Белл пишет изданную небольшим тиражом книгу об отсутствии дисциплины в капиталистическом обществе, и обозреватель Джордж Ф. Уилл 1 июля 1976 года в газете «Вашингтон пост», которую читают миллионы, приспособливает его тезисы к собственным размышлениям по поводу двухсотлетия США.

И. Кристол в «Уолл-стрит джорнэл» изобличает «новый класс» либеральных интеллектуалов в снобистском отношении к цивилизации бизнеса,

и «Мобил» — одна из могущественнейших нефтяных корпораций — катапультирует эту идею в национальной рекламной кампании.

Парадокс состоит в том, что современные неоконсерваторы — приверженцы идей греховности человека, прирожденного неравенства, воинствующего антидемократизма и апологии «элитизма» — для достижения поставленных целей вынуждены опираться отнюдь не на «элитарные» формы творчества, не на рафинированное эстетство, а на суррогаты, наиболее просто способные служить широкому распространению консервативных настроений.

Правда, стремясь выставить себя защитниками гуманизма, неоконсерваторы паразитируют на подлинных культурных ценностях. Признаками неизбежной «консервативной реставрации» под их пером выступают и интерес к классической музыке, опере и балету, и возрождение канонических драматургических жанров, в первую очередь мелодрамы, и даже, по словам художественного критика Х. Креймера, «вкус к ясности и согласованности, к красоте и определенности, к повествовательности, мелодичности, патетичности, романтическому очарованию, ...словом, вкус к искусству, которое доставляло бы удовольствие и не ставило бы моральных проблем». Последнее замечание особенно значимо. В этом обширном перечне, ставящем чуть ли не все достижения мировой культуры на службу узкоконъюнктурным тактическим целям, любопытно отречение от «моральных проблем», казалось бы, весьма парадоксальное в контексте морализаторской риторики неоконсерватизма. Однако противоречие тут только внешнее. На самом деле отрицается лишь такая постановка «моральных проблем», которая противоречит устоям буржуазной морали.

Что же касается попыток укрепить эти пошатнувшиеся устои, то здесь искусству, проповедующему консервативные идеалы, предоставлены самые широкие возможности. В борьбе за реставрацию буржуазной пуританской нравственности неоконсерваторы спекулятивно используют и общественное значение идеалов гуманизма, и естественное стремление людей к добру и красоте. Даже записанное в Декларации независимости США в числе основных прав человека «стремление к счастью» беззастенчиво направляется против политических противников.

Атака на демократическую общественность может носить на Западе как прямой, так и глубоко завуалированный характер. Например, удостоенная множества премий Американской киноакадемии картина «Крамер против Крамера» (1979 год) на первый взгляд далека от политики и вполне благородна по замыслу. История героя, от которого уходит жена, тем самым вынуждая его взвалить на свои плечи все заботы о малолетнем сыне, трогательна до слез. Поиски установления общего языка с мальчиком, попытки готовить завтрак на двоих, необходимость вовремя забрать мальчугана из школы, решимость во имя сына пожертвовать успешной карьерой — все это не может не вызвать симпатии зрителей.

Но в этом перевертыше традиционного сюжета «соблазненной и покинутой» матери-одиночки есть и второй, гораздо более сомнительный мотив. В роли мелодраматического «злодея» здесь выступает жена, бросившая семью ради того, чтобы пойти работать и научиться жить самостоятельно. Таков неизбежный результат тлетворных идей женской эмансипации,

утверждают авторы. Удел женщины — дети, кухня и церковь, продолжают они, а стремление вырваться за эти освященные пуританской традицией пределы может привести только к распаду семьи и к всеобщему несчастью. Так наглядно и эмоционально убедительно «разоблачается» движение женщин за гражданское равноправие в США, где оно далеко еще не достигнуто.

Разительным контрастом провозглашаемым «высоким идеалам» неоконсерватизма служит скудность реальных художественных ресурсов «реставрации». В обширном словаре, опубликованном в посвященном неоконсерватизму специальном номере буржуазно-либерального журнала «Эсквайр», среди десятков имен людей, так или иначе связанных с этим течением, фигурируют только один писатель — Сол Беллоу, один поэт — англичанин Филипп Ларкин, один искусствовед — упоминавшийся выше Хилтон Креймер и один эссеист — Том Вульф. Среди «великих моментов» истории неоконсерватизма мы не найдем здесь практически ни одного собственно литературного факта. Но зато специально упомянут «грандиозный успех» фильмов «Грязный Гарри» (1971 год) и «Жажда смерти» (1974 год), проповедовавших идею индивидуального насилия как единственно возможного средства борьбы с преступностью. К ним вполне можно добавить и демонстрировавшуюся у нас ленту «Новые центурионы» (1972 год). В этой экранизации нашумевшего романа бывшего полицейского Джозефа Вэмбо обличение «джунглей Лос-Анджелеса» приводит к восхвалению «сил закона и порядка», той самой полиции, которая, по словам Ленина, «неизбежно остается, при господстве буржуазии ее вернейшим орудием, оплотом, защитой»⁴.

В отличие от присущей прогрессивному искусству тенденции к выявлению социальных корней правонарушений как порождения общественного устройства неоконсерватизм культивирует оценку преступления как аномалии, как результата ущербности отдельных личностей либо человеческой природы вообще. Единственной причиной распространения преступности объявляется попустительство и бездействие властей, а главным методом борьбы с нею — полицейский террор или индивидуальное насилие, то есть, по сути, нарушение закона.

Таким образом, обличая действительное зло — рост преступности, моральное разложение, коррупцию, — подобного рода произведения приводят читателя или зрителя к выводу о необходимости более жестких репрессивных мер, а то и неизбежности и оправданности самосуда. В отдаленной перспективе возникает хорошо известный в истории идеал «сильной личности», «сильной власти», «сильного государства». При этом ответственность за преступления возлагается на «распущенную молодежь», «негров», «интеллигентов», «коммунистов». Однако подлинные формы социального протеста сознательно оставляются в тени, уступая место смакованию уголовных преступлений.

Нетрудно заметить, что в охранительной расстановке акцентов, в критике пороков капитализма «справа» средства массовой информации и массовые

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 25.

виды искусства оказались значительно более активными, чем в пропаганде идеалов «контркультуры». «Эстетика насилия» над аудиторией, получившая в последнее время весьма широкое распространение, усилила эмоциональное воздействие и способствовала внушению представлений, которым разум мог и противиться. Что бы ни говорили неоконсерваторы, возлагая на искусство ответственность за «развращение» общества, в условиях господства буржуазии средства массовой информации остаются ее верными слугами.

В конечном итоге и «контркультура», и неоконсерватизм — это различные стороны кризиса буржуазной культуры. Неумолимо отходят в прошлое и разоблачают свою реакционную сущность анархическое мелкобуржуазное бунтарство, другие реакционные компоненты «контркультуры» — объективные союзники буржуазной идеологии. Именно их реанимируют неоконсерваторы самим фактом своей тенденциозной полемики с искусственно созданным оппонентом, именно их всячески поддерживают реакционные круги, доходя до прямого финансирования террористических акций. Основной пафос неоконсерваторов не случайно носит не созидательный, а критически-переоценочный характер. Претендуя на роль глашатаев «высших» истин и единственных хранителей духовности, они вынуждены жить «за счет» «контркультуры», выдавая адресованные ей разоблачения за некое позитивное содержание. Идеологи монополистического капитала спешат похоронить движение протеста, выдвинув тезис о том, что якобы циклическое развитие мировой политической и культурно-идеологической жизни, вызвавшее «левый крен» в предшествующее десятилетие, привело во второй половине 1970-х — 1980-е годы к соответствующей правой корректировке — «десятилетию реакции», эпохе всевластия неоконсерватизма.

Однако неоконсерватизму и буржуазной культуре в целом противостоит культура демократическая и социалистическая, ибо все, что было в движении протеста 1960-х — начала 1970-х годов на Западе подлинно антибуржуазного, художественно ценного и плодотворного, отнюдь не исчезло на рубеже десятилетий, а продолжает жить и сегодня. Более того, отказавшись от экстремистских лозунгов, передовая интеллигенция Запада укрепляет свои позиции в союзе с другими отрядами антиимпериалистических сил. Именно этот факт и объясняет столь упорное и бескомпромиссное разоблачение неоконсерваторами «нового класса» в тот период, когда, по их же собственным утверждениям, «контркультура» давно уже отошла в прошлое. Ведь подлинное искусство и реалистически мыслящие представители интеллигенции сохраняют приверженность идеалам социализма, мира и реального гуманизма, интересам духовного роста человека и прогресса человечества.

Объективный политический смысл реакционной и утопической программы неоконсерваторов, выходящий далеко за пределы полемики между различными группировками буржуазной интеллигенции, особенно отчетливо проявляется в их позициях по вопросам внешней политики. Эти защитники частной собственности, религии и морали считают, что победа «добродетели» может быть гарантирована только растущей военной мощью США. Они выступают против разрядки напряженности и защищают

ЦРУ. «Морализм и “культ силы” в США — это два полюса неоконсервативного внешнеполитического мышления. Они напоминают два сообщающихся сосуда, начиненные одним и тем же составом — гегемонистскими амбициями»⁵.

Как мы видели, прямая связь между интересами монополистического капитала и теоретическими взглядами неоконсерваторов очевидна. Примечательно, что уже упоминавшийся специальный номер журнала «Эсквайр», редакцию которого трудно заподозрить в каких бы то ни было прокоммунистических симпатиях, открывался эпиграфом из «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»⁶. И тот факт, что неоконсервативная идеология, выражающая интересы правящей элиты, сегодня оказывается вынужденной защищаться, отвоевывать утраченные позиции даже в цитадели империализма — в США, по-своему свидетельствует об углублении духовного кризиса капитализма и неуклонном росте влияния идей мира и социализма на умы и сердца миллионов людей. ◆

⁵ Мельвиль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980. С. 132.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. С. 45.